

Стручкова Наталья Анатольевна

кандидат исторических наук, доцент,
декан исторического факультета
Северо-Восточного федерального университета
им. М.К. Аммосова

МОТИВ ДОРОГИ В ТРАДИЦИОННОЙ КАРТИНЕ МИРА ЯКУТОВ

Аннотация:

В статье представлены результаты историко-этнологического анализа формирования мотива дороги в системе традиционного мировоззрения и жизнедеятельности якутов. На материалах фольклора и описаний календарных ритуальных праздников, шаманских камланий раскрываются мифо-ритуальные основания феномена дороги и передвижения в пространстве, а также их объективация в виртуальной практике.

Ключевые слова:

дорога, мифология, эпос, хороводные песни, ритуал, круговой танец, коммуникация, жертвоприношение.

Struchkova Natalia Anatolyevna

PhD in History,
Assistant Professor,
Dean of the History Faculty,
North-Eastern Federal University

THE MOTIF OF ROAD IN TRADITIONAL WORLDVIEW OF YAKUTS

Summary:

The article presents the results of the historical and ethnological analysis of the formation of the road motif in the system of traditional worldview and life of Yakuts. Basing on the materials of folklore and ritual holidays, shamanic rites the author reveals the mythological and ritual foundations of the phenomenon of roads and movement in space, and their objectification in the ritual practice.

Keywords:

road, mythology, epics, folk songs, ritual, circle dance, sacrifice, communication.

Исследование особенностей современной системы жизнедеятельности этносов, в частности изучение функционирования дорог как основного фактора развития территории проживания этносов и создания необходимой инфраструктуры для его обеспечения, невозможно представить без этнологического исследования феномена дороги и пространства, возникшего еще на уровне традиционного общества.

Обращение к традиционному укладу жизни древних якутов показывает, что в своей духовной практике на протяжении веков якуты выработали особое отношение к пониманию пространства, движения и дороги. Оно в большей степени ассоциировалось не с простым передвижением из одной географической точки в другую, а с достижением определенной цели – получением благополучия. Условием получения искомой благодати обычно являлось обращение к божествам, живущим в сакральном мире, которое сопровождалось установлением контакта с ними.

В связи с этим обратим внимание на способ прохождения из одного мира в другой, когда человек как бы переходил из одного состояния в другое. Предполагаем, что именно поэтому даже для современного якута дорога продолжает ассоциироваться с измененным душевным состоянием. Отправляясь в дорогу, человек как бы уходил в другой мир, где его подстерегали различные опасности, встреча с неизведанным. Отсюда дорога стала символом жизненного пути, так как после многотрудного движения по дороге человек достигал искомого и по дороге же возвращался обратно к себе домой. Завершается целый цикл жизни, осмысленный и осознанный ради достижения поставленной цели.

У данного понимания есть разные основания. Так, существует реальная материальная основа, когда дорога пролегла по географически трудным зонам и занимала очень много времени. В течение этого времени человек жил особенной жизнью, во время путешествия у него начиналась новая жизнь, которая значительно отличалась от обычной жизни дома. Вместе с тем определяющую роль играет, на наш взгляд, мифологический аспект, связанный с верой в существование мифологических сообщающихся пространств. В рамках такого мифологического мировоззрения якуты с древнейших времен выработали понимание дороги (часто используемое в практике индивидуальных шаманских камланий и родовых молений) в качестве средства коммуникации между сакральным и обычным пространствами.

Старинным якутским обрядовым комплексом, связанным с культом солнечного божества Юрюнг Айыы тойона, с культом плодородия является *ысыах*. Акциональная часть обрядовой практики *ысыаха* включала ритуальные круговые хороводные танцы. По мнению известного исследователя якутского фольклора П.А. Ойунского, эти танцы отражали культ солнца и неба [1, с. 71].

Анализ словесно-мифологического уровня ритуальных действий на *Ысыахе* показал наличие в содержании ритуальных песен кругового танца, а именно песен-оповещений, повествований о добрых деяниях божеств [2, с. 89].

Весьма интересен традиционный сюжет, когда Солнце, превратившись в *Юрюнг Айыы тойона*, спустилось с неба в сопровождении семи девушек и девяти парней, чтобы принести в мир изобилие трав, скота, а затем улетело ввысь [3, с. 107]. На наш взгляд, этот сюжет частично раскрывает символический смысл исполнения якутского хоровода: стремление показать суточное движение небесного светила – солнца. В силу мифологического мышления якуты понимали это движение как приход и уход летающего божества, дарующего людям блага. *Ысыах* у якутов начинался с обряда встречи солнца. Следовательно, восход солнца мог восприниматься как прибытие божества, а закат связывался с его уходом. Движение в левую сторону в танце, несомненно, было связано с движением солнца с востока на запад. Якуты в прошлом отождествляли рассвет с появлением небесной дороги:

Для лошадки-матушки моей –
Нас, благословляющей Эдьен –
с гривой закрученной густой, с широко распущенным хвостом,
гладкой от подкожного жирка,
белый и широкий перевал
весело открылся, засиял!
И для годовалого конька
матушки приветливой Нэлбэн
радостный небесный перевал синевою вечной засиял!
Для отца обильных табунов –
Дьесегея, ржущего, как гром,
с жертвенною ложкой дорогой,
опушенной гривую густой,
распахнулся выше вешних вод
гладкий и сияющий проход-проезд!

Согласно содержанию этого текста, в хороводной песне описывается наступление особого дня, когда раскрывается «белый», «небесный», «сияющий перевал», «проход», «тропа», по которой приходили добрые божества, имевшие зооморфный облик или имевшие помощников-лошадей. «Белый широкий, гладкий и сияющий проход» для «лошадки благословляющей Эдьен», «для годовалого конька матушки Нэлбэн», «для отца обильных табунов – Дьесегея» [4, с. 204].

Тот же мотив о «раскрытии небес» и, соответственно, возникновении возможности передвижения широко распространен в общей мифопоэтической традиции якутов. Особой устойчивостью отличается поверье о «раскрытии неба», когда среди ночи вдруг становится ослепительно светло. При таком явлении молились, кланялись и просили у неба или бога всего, чего желали, в том числе и детей. Г.У. Эргис полагал, что этот сюжет связан с представлением о Млечном Пути [5, с. 136].

Рассматривая вопросы пространственной лексики и цветовой метафоры в текстах якутского героического эпоса *олонхо*, Л.Л. Габышева отмечает, что в эпической картине мира противопоставление молока и крови вырастает до космического образа дорог, соединяющих миры: с неба на Землю идет *үүт магана артык* «Молочная белая дорога» [6, с. 13]. Известно, что молоко – одно из высших традиционных ценностей якутов, символизирующих благополучие, плодородие и богатство.

Если сопоставить эти сюжеты, выясняется, что они идентичны по своему значению: когда раскрывается небо, то открывается небесная белая дорога и нужно совершать моления верхним божествам для исполнения всех желаний. Такие моления производились во время *Ысыаха*, и именно с этим обрядовым празднеством связано понятие о раскрывающемся небе, проходе, дороге, по которой спускались добрые божества для выполнения желаний людей. Таким образом, в хороводном круговом танце *осуохай*, на наш взгляд, стремление показать движение небесного божества – Солнца соответствует также стремлению показать открытие мифической дороги, небесного прохода, по которому спускались все остальные небесные божества, с которыми связаны такие понятия, как жизнь, начало, счастье, радость и изобилие. Все это даруется богами взамен жертвенных подношений в виде чаш с кумысом, посвященных жеребят, привязанных к веревке, священной жертвенной лошади *ытык*.

Итак, сохранившийся в текстах хороводных песен мотив прибытия божеств на землю по небесной дороге, появляющейся с восходом солнца, является важным свидетельством того, что

якуты этот центральный мотив календарного праздника связывали с круговым движением, которому придавали магическую способность соединять верх и низ космического пространства.

Примечательным является также ритуальное оформление праздничного ритуального места молений *түсүлгэ* на ысыахе. Например, во время проведения обрядового праздника «*Айыы ысыах*» ритуальный столб-коновязь *сэргэ* с привязанной к нему жертвенной лошадию устанавливался в загоне рядом с домом на восточной стороне. К загону вела дорога, вдоль которой были установлены молодые саженцы березы *чэчир*. По данным исследователя якутских сэргэ В.Ф. Яковлева [7, с. 13], в обряде испрашивания душ скота «*Ынахсыт айыы ытыгы артахсыы*» при обращении к богине *Исэгэй Айыысыт* на большой поляне ставили три *сэргэ* высотой меньше метра. Их огораживали с трех сторон – северной, западной и южной, восточную оставляли открытой. Внутри изгороди втыкались молодые березки *чэчир*, которые соединялись с коновязью ритуальной волосяной веревкой – *салама*. По наблюдению В.Л. Серошевского за атрибутами шаманского камлания, аналогичная волосяная нить соединяла и изображала дорогу, по которой «вслед за птицами полетит на небо шаман, гоня перед собой жертвенную скотину» [8, с. 623].

Как мы видим, ритуальное оформление ысыаха четко указывало на восточную сторону как на своеобразный символ соединения с небесными божествами. Определенно, это связано с солнечным культом, когда в мифологическом сознании восточное направление ассоциировалось с восходом солнца, с открытием небесной дороги, по которой в Средний мир приходили божества.

Весьма интересным является сохранение в якутской традиции обозначения движения по дороге специальным термином – *айан*. Данный термин встречается также при обозначении кругового танца якутов. Так, известный якутский композитор М.Н. Жирков, собирая и исследуя музыкальный фольклор якутов, выделил характерной особенностью вилюйского осуоха его трехчастное строение, «где первая часть (*киирии тойук* – вступительный тойук) – приглашение к танцу, вступительный раздел, вторая – собственно *осуохай* (*айан* или *хаамыы айан үнкүү* – танец шагом), третья – завершающая часть (*көтүү үнкүү* – танец прыжком)» [9, с. 137].

Слово *айан* в переводе с якутского означает «мелкая рысь, хлынь, ступь лошади» параллельно казахскому *айан* – «ступь у лошадей», *айанда* – «идти ступью», однако *айан* в значении «путешествие, дальняя дорога» соответствует монголо-бурятскому *аян* – «путешествие, дальний путь, поход, караван». Здесь первое значение «мелкая рысь» как более конкретное можно, по-видимому, считать исходным, поэтому исконно тюркским, как и другие коневодческие термины этого ряда [10, с. 31].

Словосочетание «*айан үнкүү*» можно понимать, по аналогии с «*айан ырыа*» (дорожная песня), как дорожный танец. Такие дорожные танцы имелись, например, у армян. Исследователь народных армянских танцев С. Лисициан указывает, что они обычно исполнялись во время свадебных церемоний, праздников, шествий на богомолье, на кочевье, когда шли в горы собирать травы. Считалось, что к цели пути надо идти одной дорогой, а обратно по другой, чтобы запутать следы. Дабы сбить с пути злых духов, вереницы свивали и развивали клубки, двигались улиткой, волнообразно, цепочкой. Все это, на наш взгляд, говорит о том, что дорожные армянские танцы имели отношение к обрядовым магическим действиям, их исполнение подразумевало существование пути-дороги, полного опасностей и козней злых сил.

Итак, исполнение на якутском ысыахе кругового танца вокруг ритуального столба-коновязи *сэргэ* и привязанной к нему священной лошади *ытык* имело семантическое значение препровождения души священной лошади на небо по специальной открывающейся дороге, мосту, прообразом которого является данная коновязь. В конечном итоге такое поднятие души понимается как обмен, который должен привести к очищению, созданию нового мира, установлению нарушенной злыми духами гармонии.

В современной жизни якутов передвижение по дороге давно приняло характер реальной будничной жизни. Дорога стала объектом текущей жизнедеятельности, она повседневна, древние представления о ней, ее сакральная сторона отошли на второй план, а на первом плане стоит прежде всего экономическая необходимость и утилитарное назначение. Вместе с тем у якутов еще сохраняются остатки традиционных представлений, связанные с дорогой, в частности о необходимости почитания духов местности и о стереотипе поведения в незнакомой местности. Во многом это связано с сохранением больших неосвоенных территорий. Отметим, неосвоенных в промышленном плане, но не с точки зрения культурного освоения. Например, лесные территории могут быть пустыми с точки зрения наличия шоссейных магистралей, но на этой территории имеются много маленьких и средних дорог, по которым люди осуществляют коммуникацию между собой. Эти дороги тоже имеют свои названия, особенности, традиции или культуру поведения на них.

Самым известным элементом сохранения старых традиций является почитание священного дерева – *Кэрэхмас*, обычно находящегося на пересечении границ между районами, в виде оставления различных видов даров около этого придорожного дерева. Также распространенным остается существование табу на громкое произношение названия местности, озера, мимо которого проходит дорога. И, конечно, сохраняются старые легенды, связанные с происшествиями на дорогах, где одним из главных сюжетов является встреча с душами покойных или шаманов. Живучесть данных традиций можно объяснить, по мнению исследователя культуры дороги в русской мифо-ритуальной традиции Т.Б. Щепанской, наличием необходимости процесса блокирования страха в дороге. Возведение сакральных объектов у дороги нейтрализовало так называемые страшные места, происходила своеобразная маркировка придорожного пространства [11, с. 304–305].

Дороги современной Якутии, развитие их специфических атрибутов представляют собой особенное социокультурное явление, сохраняющее в себе отдельные традиционные черты мифологического мировоззрения этноса. На примере их функционирования можно проследить формирование адаптационно-деятельностной модели культуры – дорожной культуры, в которой адаптированы этническая традиция установления коммуникации с небесными божествами, нейтрализации опасностей в виде установления и почитания священных деревьев в придорожном пространстве и на пограничных зонах между территориями.

Ссылки:

1. Гоголев А.И. Историческая этнография якутов. Якутск, 1980.
2. Мухоплева С.Д. Якутские народные обрядовые песни. Новосибирск, 1993.
3. Якутские народные песни. Ч. 2. Якутск, 1977.
4. Якутские народные песни : сб. фольклор. произведений. Якутск, 1988.
5. Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. М., 1974.
6. Габышева Л.Л. Пространственно-временная лексика и цветовая метафора в текстах олонхо // Язык – миф – культура народов Сибири. Вып. 2. Якутск, 1994.
7. Яковлев В.Ф. Сэргэ (коновязь). 2-я часть. Якутск, 1993.
8. Серошевский В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. 2-е изд. М., 1993.
9. Алексеева Г.Г. Якутский музыкальный фольклор в записи М.Н. Жиркова // Музыкальное творчество народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1985.
10. Антонов Н.К. Материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск, 1971.
11. Щепанская Т.Б. Культура дороги в русской мифо-ритуальной традиции XIX–XX вв. М., 2003.

References:

1. Gogolev, AI 1980, *Historical ethnography of the Yakuts*, Yakutsk.
2. Muhopleva, SD 1993, *Yakut folk ritual songs*, Novosibirsk.
3. *Yakut folk songs. Part 2 1977*, Yakutsk.
4. *Yakut folk songs 1988*, Yakutsk.
5. Ergis, GU 1974, *Essays on the Yakut folklore*, Moscow.
6. Gabysheva, LL 1994, 'Space-time color vocabulary and metaphor in the texts olonkho', *Language - myth - the culture of the peoples of Siberia*, vol. 2, Yakutsk.
7. Yakovlev, VF 1993, *Serge (hitching post)*, 2nd part, Yakutsk.
8. Seroshevsky, VL 1993, *Yakuts. Experience ethnographic research*, 2nd ed., Moscow.
9. Alekseeva, GG 1985, 'Yakut folk music recorded by MN Zhirkov', *Musical creativity peoples of Siberia and the Far East*, Novosibirsk.
10. Antonov, N 1971, *Materials on the history of the Yakut language vocabulary*, Yakutsk.
11. Shchepanskaya, TB 2003, *Culture of Road in Russian myth-ritual tradition of XIX-XX centuries*, Moscow.